

В КОМПАНИИ ГОГОЛЯ



...И вскоре после торжеств умер.

А сейчас Веничкина душа эпически и благостно взирает на то, как по государственному радио читают бессмертные «Мертвые души», а впритык к ним его поэму «Москва — Петушки». Далее неплохо было бы радищцам подверстать к ерофеевской эпопее радищевскую. И — полная картина бы нашего непостижимого мира — с дорогами, с дураками, с данной нищетой и никак не дающимся блеском, с бьющейся в клетке быта вольной русской душой.

Гоголя по выходе «Мертвых душ» окрестили Гомером. Ерофеева после книги «Москва — Петушки» называли сначала «хулиганом и пьянчужкой от литературной богемы», а после смерти — Гоголем. Теперь надобно написать что-то еще «дорожно-исповедальное», чтобы нового автора обозвали Ерофеевым. И так далее. До тех пор, пока жизнь наконец-то не сравняется с дурдомом.

Помню, читал «Петушки» в самиздате со смутным шрифтом и вздрагивал нутром: как хорошо, как открыто и легко, как смешно и грустно, как нецензурно (нет, не в смысле матюжка — это тоже надо уметь, а в смысле авторской неоглядки на эту сучью цензуру).

Страшный финал повести-поэмы — шилом в горло! Веничка предрек: так и вышло — по горлу. Врезали. Отняли голос. Вставили «разговорный пл-

так» — мегафончик. Ему бы, молчавшему столько лет, поговорить с обалдевшим от «Петушкова» (да и уж от его пьес) читателем, а голос, увы...

И вот девка-слава упала на Веничку — пробил последний фарс человеческой трагикомедии. Веничке пятьдесят. Его возносят, говорят далеко не милые глупости, залы, банкеты, аплодисменты. А герой нашего времени уже устал, хоть в глазах и опоздалый свет, и «сатисфэйшен» вдогонку. Кричали бесновато дети тех, кто вчера Ерофеева презирал за своеволие дара и нецеховности: «Веничка — классик XX века, пророк наш и, едреньть, спаситель!..» А он млея влажным глазом и, может, думал: «Поздно, мужики!» И интеллигентно терпел муку признания, как терпят в зной зуд.

И вскоре после торжеств умер...

Р. С. Поэму «Москва — Петушки» сперва тиснули с жутким обрезанием в журнале «Трезвость и культура». Одиночкой критик объяснил, что-де автор-алкаш так вот конгениально исповедался.

Дурачье! Веничка был самый трезвый в Евразии автор.

Читает поэму В. Невинный.

В. УЛАНОВ

Фото Н. Агеева.

В. ЕРОФЕЕВ.
«МОСКВА — ПЕТУШКИ».
СРЕДА, ЧЕТВЕРГ,
10—11 ИЮНЯ,
РАДИО-1, 13.00.